

ЛОЛИТА МИГЕЛЬМАН

СЕВЕР, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Лолита Мигельман

Север, который помнит

<https://litres.ru/74545554>

SelfPub; 2026

Аннотация

За Полярным кругом стоит Северная академия — закрытый мир, где способности студентов измеряют цифрой, эмоции превращают в данные, а за каждым отклонением следует пристальное наблюдение. Алиса Воронова привыкла замечать то, чего не видят другие: чужие привычки, мелкие перемены, несостыковки, которые со временем складываются в тревожную картину. Практика в архиве сводит её с Дмитрием Волковым — человеком с холодной сдержанностью и мелким злым росчерком в подписи, — и она ещё не знает, что его прошлое связано с академией теснее, чем кажется, а собственная тайна, которую он хранит годами, однажды коснётся и её напрямую.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лолита Мигельман

Север, который помнит

ПРОЛОГ

Февраль 2021 года

Угол флешки упрямо, с какой-то даже назойливостью, впивался ему в рёбра. Позапрошлой ночью Дмитрий зашил её в подкладку куртки, а иглу для этого выпросил у соседа по комнате под честное слово, что у него и вправду оторвалась пуговица. Ложь была ничтожная, пустяковая, но почему-то запомнилась ему крепче, чем следовало бы. За двое суток он успел изучить каждое движение флешки под тканью и знал наперёд, когда именно она о себе напомним. Пока он держал спину прямо, её словно и не было, но стоило ему хоть чуть-чуть ссутулиться, как острый угол тотчас упирался слева, под самые рёбра. Всего проще было бы прижать это место ладонью; но именно этого и нельзя было делать, ибо человек, который беспрестанно трогает одно и то же место на своей одежде, рано или поздно непременно возбуждает вопросы.

Пурга мела уже третьи сутки, не утихая ни на час, и по внутреннему радио время от времени раздавался усталый женский голос: проезд по автодорогам района закрыт, в го-

родских школах объявлена актировка, выходить на открытые участки территории без крайней необходимости запрещается.

К шести часам вечера переходная труба совершенно опустела, и Дмитрий шёл по ней один. Окно с наветренной стороны занесло снегом до половины, а выше, за стеклом, снег летел вбок сплошной серой рябью, и фонари во дворе плавали в этой ряби мутными жёлтыми пятнами. Из щелей между рамами тянуло холодом, и по резиновой дорожке ползли тонкие змейки позёмки: ветер ухитрялся загонять снег даже сюда, под крышу.

Стул вахтёра стоял отодвинутым, а на столе лежал наполовину разгаданный сканворд, перечёркнутый брошенной поперёк ручкой. В шесть часов вахтёр уходил пить чай в дежурку клинического крыла и возвращался не раньше четверти седьмого. Камера под потолком глядела на турникет в дальнем конце перехода, так что середина его оставалась вне обзора; на КПП в это же самое время менялась смена. Всё это Дмитрий проверял две недели кряду, каждый вечер почти в один и тот же час, и проверял, надобно заметить, безо всякой лихорадки, даже как-то буднично. Он попросту собирал привычки этого места, так же как некогда собирал чужие показатели, то есть спокойно, не торопясь и запоминая именно то, что другим казалось сущей мелочью, не стоящей ни малейшего внимания.

Он шёл ровно, не прибавляя и не убавляя шагу, и пере-

считывал про себя знакомые минуты — просто, чтобы хоть чем-то занять голову.

Навстречу ему из клинического крыла вышли двое лаборантов, в халатах, накинутых поверх свитеров, и с одинаково помятыми лицами. Дмитрий почувствовал их прежде, чем услышал шаги: от одного тянуло скукой, от другого — мелким, въедливым раздражением. Ещё прошлой зимой чужие чувства наваливались на него всей своей тяжестью, так что после встречи с двумя людьми в узком коридоре ему хотелось сесть прямо на пол и переждать. Теперь же они лежались поверх его собственного состояния лишь тонким прозрачным слоем и глубже не проникали. Техниккой «якорь», которой учили в первую же неделю в академии, он держался вот уже три года, но только этой осенью вдруг ощутил внутри опору, и ощутил почти физически. С осени же он спал по шесть часов и просыпался свежим, почти не болел и чувствовал людей ярче, точнее и дальше, чем когда-либо прежде.

Лаборанты прошли мимо, даже не взглянув на него. Им решительно ни до кого не было дела, и сегодня это было как нельзя более кстати: то, что знал Дмитрий, лежало у него под рёбрами, лежало в самом буквальном смысле, зашитое в подкладку.

Посередине трубы, у третьей от входа секции стекла, он всё-таки замедлил шаг, хотя ещё утром дал себе слово этого не делать. Неделью назад здесь ждала его Катя. После ночных замеров она сидела на трубе отопления под окном, под-

ложив под себя его шарф: своего у неё с собой не оказалось, а батарея жгла даже сквозь джинсы. Веснушки, которые летом покрывали ей лицо до самых ушей, к февралю бледнели почти до невидимости. Обыкновенно она начинала говорить ещё издали, на ходу, перескакивая с одного на другое и сама себя перебивая, но в тот вечер отчего-то молчала. Потом повернулась к стеклу и дышала на него до тех пор, пока в морозном узоре не протаяло мутное пятно величиною с ладонь, поставила пальцем две точки и медленно провела между ними линию.

— *Вот так я тебя раньше видела, — сказала она, не оборачиваясь. — От тебя ко мне шло вот такое толстое, рыжее, как верёвка у колодца. Я на лекциях щурилась, чтобы оно не лезло в конспект. Ты ещё смеялся, что я на тебя пялюсь, а я пялилась не на тебя, а на неё. — Она помолчала, глядя на две точки. — А теперь смотрю и вижу просто тебя: нос, уши, дурацкую шапку. Ты не обижайся, ты и так ничего. Но её больше нет, Дим. Не то чтобы стала тоньше — нет совсем. Понимаешь? Как будто я её сама придумала.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.